
Анна Шилд
Ада Огнева
КОНТРАКТ
с БОССОМ
ЦЕНА НЕПОВИНОВЕНИЯ
18+

Ада Огнева

Контракт с боссом. Цена неповиновения

«Автор»
«Автор»
2026

Огнева А.

Контракт с боссом. Цена неповиновения / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Майя Сорокина приходит к Льву Державину, чтобы спасти брата от долгов и расправы. Холодный миллиардер предлагает выход, похожий на новую ловушку: три месяца быть его официальной спутницей, жить по его правилам и забыть о свободе. Майя подписывает контракт, намереваясь вырваться при первой возможности. Только рядом со Львом всё труднее помнить об этом решении. За его железным контролем скрывается война с собственной семьёй, а для неё самой в соглашении слишком много недоговорённого. Какую цену потребует босс за первое неповиновение — и за первое настоящее чувство?

© Огнева А., 2026
© Автор, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 33
Глава 8 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анна Шилд
Контракт с боссом. Цена неповиновения

Контракт с боссом. Цена неповиновения
Анна Шилд
Ада Огнева

Глава 1

Во второй раз дверь ударилась о стену так, что с верхней полки посыпались банки с кистями.

Майя успела подхватить старый портрет за край подрамника. Стекло хрустнуло под ногой. В проеме, откуда тянуло октябрьским дождем, показались двое мужчин, а между ними — Павел.

Он держал правую руку поперек живота.

— Май, — сказал он, и по подбородку потекла кровь.

Мужчина в кожаной куртке толкнул его. Павел ударился плечом о косяк, сполз на пол возле верстака и втянул воздух с тонким свистом.

Майя поставила портрет на стол. Ее пальцы сами нашли мастихин: тяжелую деревянную ручку, широкую металлическую лопатку с засохшими потеками охры. Еще минуту назад она снимала им старый грунт. Теперь держала острием вперед.

— Отойдите от него.

Первый мужчина задержался на пороге. Худой, с желтоватым лицом, он пробежал взглядом по стеллажам, дешевой электроплитке, выцветшему одеялу на диване. Улыбнулся. В улыбке вспыхнула золотая коронка.

— Семейный бизнес. Душевно.

Его спутник захлопнул дверь ногой. Засов вырвало вместе с куском древесины; дверь тут же приоткрылась снова. Здоровяк подпер ее пустым ящиком и стянул мокрый капюшон.

Павел попытался подняться. Ботинок встал ему на край куртки, придавив к полу.

Майя шагнула вперед.

— Еще раз тронешь — останешься без глаза.

Широкая лопатка мастихина уперлась здоровяку под подбородок. Он перестал улыбаться и убрал ногу.

— Тихо, Рыжий, — сказал человек с коронкой. — Девушка творческая. Вдруг портрет испортит.

— Назад, — повторила Майя.

Теперь она видела, как разбиты пальцы брата. Указательный и средний распухли, кисть лежала под странным углом. Павел прижимал ее к себе левой ладонью и старался дышать коротко, чтобы не шевелить ребрами.

Ему было девятнадцать. Утром он попросил триста рублей на обед и обещал забрать из печати ее визитки.

— Паша. Смотри на меня. Ты можешь встать?

— Май, я...

— Можешь?

Он кивнул. Майя, продолжая держать мастихин перед собой, подставила ему плечо. Павел поднялся, опираясь на сестру, и добрался до дивана. На светлом льняном фартуке Майи остался длинный красный след.

Человек с коронкой дождался, пока она обернется, и положил на верстак телефон. На экране был снимок листа с почерком Павла.

— Валет, — представился он. — Чтобы ты понимала, с кем разговариваешь. А это обязательство твоего брата. Пятнадцать миллионов рублей. Срок — сегодня в полдень.

Она прочитала сумму дважды.

Потом перевела взгляд на подпись. Пашка всегда растягивал последнюю букву, выводя смешной хвост: отец говорил, что такой подписью удобно чертить вентиляцию. Хвост был на месте.

Пятнадцать миллионов.

Майя подняла голову.

— Вы ошиблись адресом банка.

Валет коротко хохотнул.

— А она мне нравится, Паш. Ты сестру зря от нас прятал.

— Он студент. У него даже кредитки нет.

— Зато есть подпись. И удачный вечер в «Атласе», который к концу оказался неудачным. Бывает.

Павел за ее спиной всхлипнул. Она резко обернулась, и брат опустил голову еще ниже.

— Мне сказали, что отыграюсь. Последняя ставка должна была...

— Помолчи, — попросила Майя.

Если он сейчас договорит, она закричит. Нельзя было тратить голос на брата, пока эти двое стояли между ними и дверью.

Она снова посмотрела на снимок.

— Пришлите мне это.

Валет приподнял брови.

— Номер.

Майя продиктовала. Ее телефон на полке пискнул, и мужчина убрал свой аппарат в карман.

— Умная девочка. Начинаешь торговаться?

— Хочу понять, что вы заставили его подписать.

— Он добровольно пришел. Добровольно сел. Добровольно брал фишки.

— А руку тоже добровольно сломал?

Валет перестал улыбаться.

Рыжий за его спиной пнул ящик. Дверь распахнулась, впуская полосу сырого уличного света. По ступеням в мастерскую стекала вода. В проеме показалась чужая тень; третий мужчина остался снаружи.

Майя ощутила липкую рукоять в ладони. Это была кровь Павла, а не краска.

— До полудня, — повторил Валет. — Потом брат поедет смотреть карьер. Там у нас экскурсии. Без обратного билета.

— Где я возьму пятнадцать миллионов за двенадцать часов?

Он склонил голову набок, рассматривая ее уже внимательнее: лицо, выбившиеся из узла волосы, тонкую шею над вырезом старой майки.

— У такой девушки должны быть знакомые.

Майя медленно подняла мастихин выше.

— Глаза наверх.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Улыбка вернулась на губы Валета — мелкая, злая.

— Пашка, выверни карманы.

— Зачем? — выдохнула Майя.

— Чтобы сестра хорошо думала.

Рыжий рванул Павла за ворот. Майя дернулась, но Валет шагнул к дивану с другой стороны, и она остановилась: одним движением обоих не достать. Брат левой рукой вытащил студенческий, связку ключей и смятый чек из столовой.

Валет взял студенческий билет, раскрыл его под лампой.

— Архитектор. Значит, карьер будет по специальности.

Он забрал ключи и похлопал Павла по щеке — легко, почти ласково. Майя ударила мастихином по краю верстака. С дерева отлетела щепка.

— Вон.

Валет взглянул на глубокий свежий след. Потом — на ее руку.

— К полудню пусть инструмент сменит. На калькулятор, — бросил он Павлу и пошел к выходу. — В полицию позвонишь — узнаем раньше, чем назовешь фамилию. Квартира ваших родителей нам известна. Ключи пригодятся.

Майя стояла посреди мастерской, пока шаги не стихли за дверью. Потом поставила ящик на место и навалилась на него всем телом. Дерево скрипнуло. Сверху, со двора, донесся хлопок автомобильной двери.

Только тогда она опустила мастихин.

— Майка, прости.

Павел говорил в рукав, как маленький. Когда-то она точно так же находила его после драк во дворе: пятилетнего, с разбитым носом, уверенного, что главное — спрятать кровь от отца. Она садилась рядом и говорила, что вместе придумают.

Сейчас слова застряли.

Майя сняла с полки аптечку, сорвала упаковку стерильной салфетки. От прикосновения к щеке Павел вздрогнул.

— Болит здесь? Ребра?

— Рука больше.

— Голова кружится?

Он кивнул.

Она посмотрела на телефон. Номер скорой можно было набрать одним движением. За тонкой дверью кто-то кашлянул. Третий остался у лестницы.

Майя закрыла кран, под которым намочила полотенце. Вода продолжала капать в таз, и каждый удар отчетливо слышался в тесной мастерской.

— Кто тебя туда привел?

Павел долго молчал. Она присела перед ним на корточки, чтобы ему пришлось встретиться с ней взглядом.

— Я тебя сейчас бить не буду. Рассказывай.

Он попытался улыбнуться. Получилось жалко.

— Родион Державин.

Майя выпрямилась.

Эту фамилию знали даже люди, у которых хватало денег только на проезд. «Державин Групп» строила кварталы, покупала банки, выкупала целые дома на улицах, где Майя всю жизнь снимала углы. На ограждении соседней стройки висел профиль льва и обещание новой жизни по цене от сорока миллионов.

— Тот, который приезжал к институту?

— Да. В бильярдной познакомились. Он сказал, что у них дилеры свои, можно поднять на машину. Я пять тысяч поставил. Потом...

— Пять тысяч превратились в пятнадцать миллионов?

Павел закрыл лицо здоровой рукой.

Майя убрала ее. Легко, пальцами за запястье. Сейчас она боялась причинить ему даже лишнее движение.

— Дальше.

— Мне открыли кредит. Родион говорил: все свои, никто ничего с меня брать не будет. Он сам ставил. Все время смеялся. А потом ушел. Я его набирал — телефон выключен.

Она взяла братов аппарат. На экране виднелись семнадцать исходящих вызовов одному номеру. Отправила сообщение: «Павла привезли избитым. Срочно перезвоните».

Галочка стала двойной почти сразу.

Ответа не было.

Майя нажала вызов. Сигнал оборвался на втором гудке.

— Он читает, — сказала она.

Павел поднял глаза.

— Может, занят?

Она посмотрела на его сломанную руку, и остатки надежды сменились такой яростью, что на мгновение стало жарко.

— Очень.

У письменного стола лежала пачка визиток. Паша все-таки забрал их из типографии, прежде чем отправиться выигрывать новую жизнь. Белая бумага, тонкая синяя линия, «Майя Сорокина. Реставрация живописи». Пятнадцать миллионов равнялись сотням заказов, которых у нее пока даже не было.

Продать мастерскую? Она ее снимала. Квартиру? После смерти родителей осталась малогабаритная двушка с Пашиной долей. Даже если найти покупателя сегодня ночью, этой суммы не хватит. А шансов получить деньги к полудню было столько же, сколько реставрировать разбитую лампу одним прикосновением.

Она открыла на телефоне страницу клуба. Затем список владельцев здания. Название управляющей компании вывело к знакомому гербу — львиной голове.

Выше Родиона стоял другой Державин.

На фотографии Лев Андреевич смотрел в объектив с таким выражением, будто фотографу оставалось жить ровно до щелчка. Широкие плечи, темный костюм, скупая линия рта. Под снимком сообщалось, что переговоры об очередном слиянии продолжаются в штаб-квартире холдинга до поздней ночи.

Майя увеличила фотографию. За спиной мужчины отражались московские огни.

— Ты что задумала? — спросил Павел.

Она уже снимала фартук.

— Поговорю с тем, кто держит их всех за горло.

Глава 2

Павел схватил ее за край майки.

— К нему нельзя просто прийти. Родион говорил, он своих людей за ошибки...

— Родион уже много полезного тебе наговорил.

Брат отпустил ее.

Майя взяла старую холщовую сумку. Бросила в нее паспорт, телефон, упаковку салфеток. Мастихин сначала положила на стол, затем сунула в наружный карман. Завернула в чистую тряпку, оставив деревянную ручку снаружи.

— Ты сиди. Дверь больше никому не открывай. Если станет трудно дышать — набирай скорую. Слышишь? На угрозы плюнь.

— А ты?

— Я вернусь.

Она натянула поверх майки свитер цвета топленого молока и надела тонкий плащ. Завязала волосы резинкой; выбившаяся прядь тут же легла на щеку. Увидела в маленьком зеркале кровь под подбородком и стерла ее рукавом.

Павел протянул ей смятые деньги из кармана куртки.

— Здесь восемьсот. На такси.

Майя взяла купюры. Захотелось крепко обнять его — и встряхнуть так, чтобы зубы стукнули. Вместо этого она поправила полотенце у его шеи.

— Останься мне живым, дурак.

Дверь с трудом открылась. Человек на ступенях выпрямился, преграждая дорогу.

— Куда?

— За деньгами.

Он посмотрел на сумку, на ручку мастихина и лениво отступил. За спиной Майи захлопнулась перекошенная створка.

Наверху лил дождь. Часы над входом в круглосуточную пекарню показывали четверть первого. Уже наступило первое октября.

У Холодного Льва оставалась ночь, чтобы объяснить, почему его фамилией прикрываются подонки.

* * *

Мраморный пол «Державин Плаза» оказался скользким.

Майя поняла это, когда попыталась обойти охранника с правой стороны. Подошва поехала по камню, и ей пришлось вцепиться в стойку, чтобы удержаться на ногах. По манжете плаща стекала вода. Мужчина за стойкой посмотрел на лужицу с таким возмущением, будто это было главное преступление ночи.

— Запись на прием через секретариат. Завтра после девяти.

— До завтра мой брат может не дожить.

— Девушка, я услышал.

— Нет. Если бы услышали, уже звонили бы наверх.

В огромном холле было тепло, сухо и пахло дорогими цветами. Мокрая Майя отражалась в полированном камне сразу в нескольких местах. За ее спиной бесшумно сомкнулись стеклянные входные двери; охранник у них опустил ладонь на рацию.

За турникетами стояли четверо мужчин в темных пальто. Один держал раскрытый зонт, с которого капало на белый коврик. Они разговаривали вполголоса и то и дело поглядывали на отдельный лифт с золотой полосой над дверью.

Наверху кто-то действительно был.

— Позвоните Державину. Скажите: Сорокина, «Атлас», пятнадцать миллионов. Он захочет узнать, что творит его кузен.

Охранник перестал смотреть на лужу.

— Фамилию еще раз.

Она повторила. Мужчина взял внутренний телефон и отвернулся. Майя следила за его губами. Тот произнес несколько слов, выслушал ответ и положил трубку.

— Ожидайте.

— Где?

— Здесь.

— Сколько?

Он вернулся к монитору.

Майя осталась возле стойки. Капли падали с волос за ворот, холодные ручейки ползли по спине. На экране ее телефона не появлялось новых сообщений. Она набрала Пашу. Он ответил на четвертом гудке и сказал, что терпимо.

Слишком быстро сказал.

— Тот человек снаружи?

— Да.

— Я у Державина. Сейчас поднимусь.

Она отключилась раньше, чем брат спросил, как ей это удалось.

Прошло пять минут. Потом еще две. Охранник отвечал на другие звонки, переписывался с кем-то в служебном чате и успел выпить полкружки кофе.

Лифт с золотой полосой тихо звякнул.

Из кабины вышел мужчина с седым ежиком и глубоким шрамом на правом виске. Четверо в пальто разом выпрямились. Один заговорил, протягивая папку, но гигант прервал его коротким движением.

— Лев Андреевич закончил. Машину к нижнему выходу.

Майя шагнула к турникету.

— Мне нужен Лев Андреевич.

Гигант посмотрел на нее. Взгляд задержался на лице, затем скользнул к наружному карману сумки.

— Сорокина?

— Да. Вы обо мне знаете? Тогда пропустите.

— Вам сказали ждать.

— А моему брату сказали до полудня. У вас разные расписания, согласуйте!

Двое в пальто обернулись. Один спрятал улыбку за кашлем. Мужчина со шрамом посмотрел на него, и улыбка исчезла.

Майя заметила, что двери лифта еще открыты. На полу кабины стоял сотрудник с портфелем, удерживая створки кнопкой.

Думать было некогда.

Она скинула сумку через турникет, нырнула под стальную перекладину и ударилась коленями о мрамор. Боль вспыхнула сразу в обеих ногах. Чья-то ладонь схватила плащ, но Майя выскользнула из рукава, оставив ткань охраннику.

— Лев Державин! — крикнула она на весь холл.

Сотрудник в лифте отступил от нее как от пожара. Она подхватила сумку, влетела в кабину и нажала верхнюю кнопку раньше, чем мужчина успел сообразить, что происходит.

Рука со шрамом на костяшке легла между створками. Гигант шагнул внутрь следом.

Сотрудник с портфелем выбежал наружу.

Двери сомкнулись.

Майя стояла у задней стены, сжимая сумку обеими руками. На коленях джинсов темнели мокрые пятна. Под тканью саднило. Плащ остался внизу, и воздух из вентиляционной решетки охлаждал мокрый свитер.

Гигант нажал кнопку шестидесятого этажа своей картой. Потом повернулся к ней.

— Прием у вас всегда такой? — спросила Майя.

— Только для посетителей, которые ползают под турникетами.

— В следующий раз приготовьте красную дорожку.

Он помолчал.

— Инструмент из кармана отдайте.

Майя покрепче прижала сумку.

— Это мастихин.

— Вижу.

— Я реставратор.

— И это услышал.

— Тогда перестаньте смотреть на меня так, будто я собираюсь захватить ваш небоскреб.

Серые цифры этажей сменялись над дверью с невероятной быстротой. Майя поймала свое отражение в боковой панели. Глаза казались огромными, губы посинели. У этой девушки можно было отобрать сумку одним движением — она понимала это так же хорошо, как мужчина рядом.

Он, однако, ограничился рацией.

— Григорий. Поднимаюсь с посетительницей. Предупреди шефа.

Майя запомнила имя.

На шестидесятом этаже кабина раскрылась в зал, больше похожий на приемную частного дворца. Серый ковер глушил шаги. У стены стояла бронзовая скульптура льва, поднявшего голову перед прыжком.

За столом поднялась женщина в строгом костюме.

— Лев Андреевич занят.

— Все вы заняты, — выдохнула Майя, проходя мимо.

— Девушка!

Григорий успел бы удержать ее. Она почувствовала его ладонь возле локтя, но в этот момент двойная дверь кабинета открылась сама.

Майя остановилась.

На фотографии Державин казался высоким. В дверном проеме он занимал слишком много места. На нем была темная сорочка с расстегнутым воротом; пиджак он держал на согнутой руке. Широкие плечи заслоняли свет кабинета. Мужчина смотрел прямо на нее, и от его внимания по шее прошел холодок, отличный от холода мокрой одежды.

Серые глаза. Жесткий рот. Ни следа усталости, хотя ночь давно перевалила за первый час.

— Кто впустил сюда мокрую кошку?

Голос был низким. В приемной стало слышно, как гудит маленький принтер за столом секретаря.

Майя вытащила телефон.

— Ваш кузен спустил с цепи шакалов на моего брата. Я пришла вернуть их владельцу.

Григорий замер рядом.

Державин опустил взгляд на протянутый экран. На фотографии светилась долговая расписка. Он прочитал ее, затем снова посмотрел на Майю.

— И это повод нападать на мою охрану?

— Следовало прислать приглашение на похороны?

Секретарь беззвучно втянула воздух.

Уголок рта Льва чуть дрогнул. Он отступил, открывая проход.

— Зайдите.

Майя переступила порог прежде, чем он передумал.

Кабинет был огромным. За стеклянной стеной дождь растекался по ночному городу; далеко внизу блестели река и мосты. На столе из черного дерева лежала раскрытая папка. Рядом стояли чашка кофе и тяжелое перо с гравировкой на колпачке.

Лев повесил пиджак на спинку кресла.

— Григорий, снаружи.

Дверь закрылась, оставляя их вдвоем.

Майя выложила на стол телефон. Следом — мастихин. Металл звякнул о полированное дерево.

Державин посмотрел на инструмент.

— Серьезный аргумент.

— Пока другого нет.

— Полиция?

— У мастерской сидит человек, который обещал сделать брата инвалидом раньше, чем я закончу звонок. А клуб, где его обобрали, контролируют ваши люди. Поэтому я здесь.

Лев подошел к столу, и Майе пришлось поднять голову. Вблизи он пах горьким бергамотом, табаком и улицей. Словно только что вошел с мороза, хотя кабинет был теплым.

Она внезапно заметила темную щетину на его подбородке. Заметила, как свободно он держит плечи, как неподвижны длинные пальцы возле чашки. И разозлилась на себя: Пашка сидит на диване со сломанной рукой, а она разглядывает чужой рот.

— Закройте долг. Я отдам вам каждую копейку.

— Чем?

— Работой. У меня есть мастерская.

— Я видел сумму на расписке.

— Я тоже умею читать.

Лев положил телефон на стол экраном вверх.

— Пятнадцать миллионов. При какой прибыли собираетесь рассчитаться?

Майя назвала свой обычный месячный заработок. В кабинете сумма прозвучала унизительно маленькой.

— При условии, что перестанете есть и платить за жилье, — сказал он, — получится лет двадцать. Без процентов.

— Значит, двадцать.

Глава 3

Он посмотрел на нее внимательнее.

— Вы серьезно.

— У вас есть младший брат?

Лев промолчал.

— Тогда поверьте на слово.

Майя провела ладонью по щеке, отводя мокрые волосы. С рукава на стол сорвалась капля. Она попыталась стереть ее, оставила еще один мокрый след и убрала руку.

— Если вам мало моей мастерской, у нас квартира. Доля моя. Но на продажу нужно время. Он не сможет ждать до полудня без врача.

Впервые голос подвел ее на последнем слове.

Державин перевел взгляд на ее колени. На левой штанине проступила кровь.

— Сядьте.

— Вы поможете?

— Я сказал: сядьте.

— А я спросила о брате.

Его глаза сузились.

Майя вдруг поняла, что люди здесь, наверное, так с ним не разговаривают. Ни Григорий, способный переломить ее пополам, ни четверо в пальто внизу. Они ждут окончания фразы и исполняют.

Она осталась стоять.

Лев протянул руку. Майя дернулась, решив, что сейчас ее выведут, но его ладонь легла на спинку кресла. Он отодвинул его к ней.

— Ваш брат нуждается в травматологе, вы — хотя бы в сухом полотенце. Давайте решать по очереди.

Она села. Колени тут же запульсировали сильнее.

Он нажал кнопку внутренней связи.

— Елена, полотенце, аптечку и горячий чай.

— Кофе, — сказала Майя.

Державин опустил взгляд.

— Кофе, — повторил в трубку. — Крепкий.

На секунду ей захотелось засмеяться. От этого крошечного исполненного желания — единственного за всю ночь — стало почти больно.

Лев оперся бедром о край стола.

— Пятнадцать миллионов для меня решаемый вопрос, Майя.

Она подняла глаза. Своего имени вслух она ему не называла.

Фамилию передала охрана. Имя могло быть в сообщении. Могло найтись где угодно. Сейчас хотелось ухватиться за обещание, а не разбирать его тон.

— Скажите цену.

Лев помолчал, рассматривая ее лицо. Майя встретила взгляд. Мокрый свитер холодил спину; рукоять мастихина лежала на столе в полуметре, и это расстояние она тоже заметила.

— Три месяца, — произнес он.

— На возврат денег?

— Рядом со мной.

За стеклом ослепительно вспыхнули фары на мосту. Майя следила за серыми глазами мужчины и ждала продолжения, уже понимая, что оно ей не понравится.

— Ты станешь моей официальной спутницей.

* * *

Секретарь внесла поднос в тот момент, когда Майя поднялась из кресла.

Фарфор тихо звякнул. Женщина посмотрела на Державина, дождалась кивка и поставила кофе на низкий столик у окна. Рядом положила махровое полотенце и аптечку. Ушла, прикрыв за собой дверь.

Майя выждала до щелчка замка.

— Вы всерьез предлагаете мне продаться?

— Я предлагаю сопровождать меня. Приемы, ужины, публичные мероприятия. Жить в моем доме. Соблюдать мои правила.

— Купите актрису.

— Актрисы плохо умеют держать язык за зубами.

— А я только что устроила скандал в вашем холле.

Лев посмотрел на ее губы, и у Майи пересохло во рту.

— Поэтому мы сейчас обсуждаем условия, а не подписываем.

Она схватила сумку. Пальцы нашли замок, но открыть его с первого раза не получилось. Державин проследил за этим движением и подвинул ближе полотенце.

— Сначала согрейся.

— Не командуйте мной.

— Ты пришла за решением.

— Я пришла сказать, что ваш кузен преступник!

— Родион слишком часто путает фамилию с правом делать все, что вздумается.

— А вы, значит, не путаете?

Лев выпрямился.

Теперь между ними оставался только угол кресла. Она ощущала, как много в этом человеке силы, и ненавидела собственное желание отойти. Дома она стояла с мастихином против двух бандитов. Здесь одной его поднятой брови хватало, чтобы пульс сбивался.

— Прочитай предложение, Майя. Потом решай, кто я.

Он подошел к небольшому сейфу в стене, открыл его и вынул папку. На обложке стоял герб холдинга. Бумага была плотной, с водяными знаками, будто для унижения нужна была отдельная дорогая фактура.

Майя приняла папку.

Первая страница называла ее исполнителем. Вторая сообщала срок. Третья превращала ее жизнь в перечень чужих разрешений.

Обязательное проживание на территории нанимателя.

Гардероб, согласованный нанимателем.

Личные встречи, звонки, переписка — после согласования.

Выход за пределы охраняемой резиденции — в сопровождении.

За нарушение — штраф по решению нанимателя.

Она перевернула лист, ожидая увидеть хотя бы шутку, подпись к розыгрышу, что-нибудь, объясняющее безумие. Вместо этого внизу была пустая строка для ее автографа.

— Даже в музее у экспонатов больше свободы.

— Зато за экспонатами следят хуже.

— Вы называете это работой?

— Я называю это условием сделки.

Майя опустилась в кресло. Лев стоял с другой стороны стола, наблюдая за ней с раздражающим терпением. У него было достаточно времени. До полудня, до конца года, до ее двадцатилетнего долга. У нее — брат и телефон, который мог зазвонить в любую секунду.

— Пункт третий. Я не смогу говорить даже с заказчиком?

— Через моего помощника.

— С врачом Павла?

— Разумеется, сможешь.

— Напишите.

На лице Льва появилось выражение, которого она еще не видела. Будто он ожидал слез, а получил счет с ошибкой, которую отказывались прощать.

Он взял перо.

Майя пододвинула лист и указала ногтем на место под пунктом.

— Связь с братом. Его лечение. Прекращение любых требований к нему. Никаких возвращений долга, если я не так посмотрю на ваши ботинки.

— Следишь за моими ботинками?

— Пока думаю, как сильно хочу на них наступить.

Лев написал первую поправку.

Она наклонилась, читая. Его почерк был крупным, с тяжелым нажимом. В конце строки он поставил инициалы, и перо коротко скрипнуло.

— Дальше, — сказал он.

Майя подняла глаза.

— Отдельная спальня.

— Гостевое крыло.

— Запирается изнутри.

Он посмотрел ей прямо в лицо.

Она заставила себя продолжить:

— Вы покупаете мое присутствие на ваших ужинах. Все остальное в договор не входит.

Державин выдержал паузу. Затем придвинул документ к себе и дописал еще строку.

— Я умею различать сопровождение и постель.

— Тогда вам легко будет это подписать.

Он поставил инициалы.

Майя коснулась края листа. Бумага была сухой и теплой; ее пальцы — холодными, с заусенцем, который она разодрала о ручку сумки. Хотелось поверить, что эти несколько строчек что-то удержат.

Лев перехватил ее взгляд.

— Ты всегда так воюешь?

— Только когда меня покупают вместе с ужином.

— Я еще не получил ни одного ужина.

— Уже жалеете?

— Начинаю интересоваться.

Он сказал это, глядя ей в глаза, и у Майи вспыхнули щеки. От злости. От того, как густо прозвучал его голос в полупустом кабинете. От дурацкого ощущения, что он видит слишком многое сквозь ее мокрый свитер и попытки держаться прямо.

Она отвернулась к кофе.

Чашка была горячей. Майя обхватила ее обеими руками, и пальцы болезненно закололо. Выпила, не разбирая вкуса. Державин молча подвинул сахар.

Вместо благодарности она спросила:

— Зачем вам именно я?

За стеклом дождь стекал на огни города длинными прозрачными полосами. Лев подошел к окну, оставляя ей пространство возле стола.

— Твоя биография устроит меня больше, чем биография любой девушки, которую предложит агентство. Мне нужна женщина рядом. Без чужих обязательств.

— А пятнадцать миллионов за братом — это украшение биографии?

— После этой ночи их не будет.

— И вы предъявите меня своим знакомым как удачную покупку?

Он обернулся.

— Как мою спутницу.

— У вас в кругу это сильно отличается?

— Скоро сама узнаешь.

Майя опустила чашку. Из детства вспомнилась ярмарочная гадалка, к которой Пашка побежал смотреть ручную обезьянку. Обезьянка сидела на цепочке с крошечным золотым колокольчиком. Когда дергалась, колокольчик звенел так мило, что дети смеялись.

Она перевернула страницу.

— А если откажусь?

Лев вернулся к столу и оперся ладонями о его край.

— Тогда ты уйдешь с этой папкой или без нее. А в полдень Валет вернется за братом.

— Вы можете остановить его одним звонком.

— Могу.

Это короткое слово ударило сильнее угрозы. Майя посмотрела на пальцы мужчины. На перо рядом с чашкой. На телефон, из которого можно было позвонить — и закончить весь этот кошмар.

Он мог.

Она поставила чашку так резко, что кофе выплеснулся на блюдце.

— Вам нравится видеть, как человек выбирает между собой и близким?

— Мне нравится получать то, чего я хочу.

— Сегодня это я?

— Сегодня — ты.

Глава 4

Майя встала, упершись ладонью в стол. Вторая рука сжала край папки. Хотелось ударить его ею по лицу, разбить чашку, снова схватить мастихин. Лев смотрел на нее и ждал.

Телефон завибрировал.

Павел.

Она ответила мгновенно.

— Паша?

Несколько секунд в трубке было слышно только дыхание. Потом брат произнес:

— Май, ты скоро? Мне что-то... Я встал, и потемнело. Сейчас нормально.

В комнате будто стало меньше воздуха.

— Ляг. Никуда больше не вставай. Сейчас приедут.

— Кто?

Она посмотрела на Державина.

— Врачи.

Закончив звонок, Майя протянула руку к перу. Лев удержал его двумя пальцами, когда она попыталась забрать.

— Сначала прочитай последний лист.

— Я прочитала.

— Три месяца. Все мероприятия по моему расписанию. И моя охрана рядом с тобой постоянно.

— А вы прочитайте свои поправки.

Они смотрели друг на друга через стол. Майя потянула перо к себе, и он отпустил.

Оно оказалось тяжелым, холодным, с выгравированными латинскими буквами на колпачке. Предмет из другого мира — где руки оставались чистыми, а чужие судьбы помещались в папки.

Подпись вышла резкой. На последнем росчерке перо зацепилось за волокно бумаги, оставив крошечную чернильную кляксу.

Майя подписала второй экземпляр. Захлопнула папку и швырнула перо на стол. Оно прокатилось до ладони Льва и остановилось.

— Я подписала, Державин. Но послушной куклой ты меня не сделаешь.

Он взял перо и поставил свои подписи.

— Посмотрим, птичка.

— Позвони.

Его улыбка исчезла. Лев нажал кнопку внутренней связи.

— Григорий. К Сорокиным — врач и машина. Валета убрать с адреса. Павла забрать в «Северный бор», травматологическое отделение. Охрана у палаты круглосуточно. Расписку получишь у Валета. Все требования закрыть сегодня.

Ответ Майя услышала через динамик:

— Принял, Лев Андреевич.

Все.

Несколько фраз, менее минуты. Так звучало спасение, за которое она отдала три месяца жизни.

Майя схватила сумку.

— Я еду с врачом.

— Сначала обработай колени.

— Паша там один.

— Теперь уже под моей защитой.

Она шагнула к двери. Лев перехватил ее у стола, накрыв запястье ладонью. От неожиданности Майя повернулась слишком резко, ударилась бедром о край столешницы. Его другая рука легла ей на плечо, удерживая.

— Пусти.

Он разжал пальцы, но остался близко.

— Хочешь помогать брату — перестань добавлять работы врачу.

Майя подняла голову. Взгляд серых глаз упал на ее рот и вернулся обратно. Она почувствовала, что задержала дыхание, и выдохнула нарочно шумно.

— Тогда отойди.

Лев отступил первым.

Эта маленькая победа почти не радовала. Она села, закатала мокрые штанины и открыла аптечку. На левой коленке была содрана кожа. Правая распухала.

Державин позвонил кому-то еще. Говорил коротко, называя суммы и фамилии. Майя занялась ссадинами, стараясь игнорировать его присутствие. Когда закончила, на спинке соседнего кресла уже лежал ее плащ, а рядом стояли сухие кроссовки из запаса гостевого гардероба.

— Размер? — спросил Лев.

— Мой.

— Надевай.

Она вытерла волосы полотенцем. Посмотрела на одежду, на свою сумку и вдруг почувствовала страшную усталость. Весь мир за стеклом продолжал жить: такси ехали по мостам, люди покупали ночной кофе, кто-то сейчас жаловался на дождь.

Ей хотелось позавидовать каждому из них.

Лев закончил разговор.

— Павел с врачом. Давление проверяют, обезболивающее уже дали. Поедем к нему.

Майя вскочила.

На краю стола лежало перо. Она взяла его вместе со своим экземпляром договора и сунула в карман плаща.

Державин проследил за рукой.

— Это тоже поправка?

— Залог того, что вы умеете выполнять обещания.

— Перо стоит дороже твоей сумки со всем содержимым.

— Значит, хороший залог.

Он задержал взгляд на ней. Затем открыл дверь.

— Идем.

В приемной люди поднялись с мест. Майя прошла между ними в чужих сухих кроссовках, со своим договором в сумке и украденным пером в кармане. На мокром ковре за ней осталась цепочка темных следов.

* * *

У мастерской стояла машина с медицинским знаком. Задние двери были раскрыты; внутри горел теплый белый свет.

Майя выскочила из «Майбаха» раньше, чем водитель успел открыть ей дверь. Колени отозвались болью, но возле машины уже сидел Паша — на краю носилок, с перевязанной рукой.

Она обняла его за шею так осторожно, как только смогла.

— Живой, — сказала ему в волосы.

— Я же говорил.

— Еще скажи, что все под контролем.

Он опустил голову ей на плечо.

Через несколько секунд Майя отстранилась и повернулась к врачу. Тот объяснил, что брата везут на обследование, нужно проверить руку и грудную клетку. Павел пытался вставить, что может доехать на такси; врач посмотрел на него, и попытка оборвалась.

— Документы с собой? — спросила Майя.

Григорий протянул ей студенческий билет и ключи на старом брелоке. На пластике все еще темнел Валетов отпечаток.

Майя взяла их.

— Где он?

Григорий посмотрел за ее плечо.

Державин стоял у капота своей машины. Валет — в нескольких шагах от него, под дождем. Его кожаная куртка блестела. Золотой зуб исчез за плотно сжатыми губами.

Майя ничего не слышала, но видела, как Валет кивнул. Потом еще раз. Очень быстро.

Лев протянул руку, и тот вложил в нее сложенный лист.

Расписку.

Майя пошла к ним, держа ключи в кулаке. Державин заметил ее, развернул бумагу и передал ей.

Знакомая подпись. Та же сумма. Только лист оказался тоньше, чем выглядел на экране, — почти обычная бумага, способная превратить человека в заложника.

— Здесь всё? — спросила она.

— Требований к Сорокиным больше нет, — сказал Лев, глядя на Валета. — Ни у тебя, ни у людей, которые вдруг решат о них вспомнить.

Валет кивнул.

— Конечно, Лев Андреевич. Возникло недоразумение.

— Недоразумение сейчас повезут на рентген, — сказала Майя.

Валет бросил на нее взгляд, и Державин сделал шаг вперед. Этого хватило: мужчина снова посмотрел на хозяина холдинга.

— Руки, которыми его били, убери подальше от этого адреса. И свои тоже, — произнес Лев.

Валет отступил. Его спутник уже открыл дверцу темного внедорожника. Майя смотрела им вслед, пока автомобиль не скрылся за поворотом.

Потом протянула Льву расписку.

— Сожжете вместе с вашим контрактом через три месяца.

Он сложил ее и убрал во внутренний карман.

— Когда ты выполнишь условия.

Холод мгновенно вернулся под свитер.

Майя повернулась к брату. Павел видел их со своего места у врача. В его взгляде появилось выражение, от которого захотелось спрятать лицо.

Она подошла и засунула ему в здоровую ладонь несколько купюр.

— У меня там все оплачено, — удивился он.

— Пусть будут твои. На что-нибудь свое.

Он попытался вернуть деньги, но Майя закрыла его пальцы.

— Слушай врача. Потом поедешь к тете в Тверь. Ни клубов, ни бильярдных. Увидишь Родиона — переходи на другую сторону улицы.

— А ты поедешь со мной?

Она поправила молнию на его куртке.

— Пока останусь в Москве. Работу предложили.

Павел посмотрел на высокую фигуру у автомобиля.

— У него?

— У него.

— Май...

— Буду занята три месяца. Ты за это время постарайся снова стать студентом, а не героем криминальной хроники.

Брат попытался улыбнуться, но глаза налились слезами.

— Я все испортил.

Майя обняла его снова.

— Ты мне брат, — сказала она. — А испорченное мы чиним. Работа такая.

Глава 5

Врач помог Павлу лечь. Майя дождалась, пока закрылись двери, и записала номер, который продиктовал Григорий. Только когда медицинская машина тронулась, она спустилась в мастерскую.

За дверью пахло растворителем и чужой грязью.

Один из охранников уже поставил опрокинутый стул. На полу остались осколки банки. Майя опустилась возле них на корточки, собирая кисти, пока тень Державина не легла на верстак.

— Это сделают мои люди.

— Они отличат белку от синтетики?

— Объяснишь.

Она подняла кисть с треснувшей ручкой. Отец научил ее ухаживать за инструментом раньше, чем она выучила таблицу умножения. Кисти пережили сырость, бедность, институтские переезды. Этой хватило одной ночи.

Лев присел рядом. Забрал у нее самый крупный осколок за тупой край и положил в пустую коробку.

Майя посмотрела на его руки возле своих. Нелепо было видеть здесь манжету дорогой сорочки, тяжелые часы, широкое запястье. Он занимал слишком много места в ее тесной жизни, хотя вошел только что.

— Дайте список поврежденного, — сказал он Григорию через плечо.

— Мне нужен Паша целый.

— Им занимаются.

Она встала и подошла к столу. Достала из ящика студенческий скетчбук, пенал с отцовскими карандашами, материнский гребень. Уложила в холщовую сумку. Следом — смену белья и домашнюю хлопковую майку.

Алое платье для дипломного бала висело в чехле за дверью кладовки. Майя коснулась ткани через полиэтилен, но оставила его на месте. Собирать вечерний гардероб для собственного заточения казалось последней глупостью.

Серебряное кольцо с аметистом лежало в чашке для мелочей. Она надела его на средний палец правой руки. Камень приятно холодил кожу.

Державин стоял возле мольберта. Там был незаконченный женский портрет — заказ, который она собиралась сдать к концу недели.

— Кто это?

— Чья-то мать.

— А твоя?

Майя указала глазами на маленькую фотографию над столом. Державин посмотрел. Отец, мать и двое детей на речном берегу. Павел держал перед собой пойманного карася и выглядел так гордо, словно спас страну.

Лев ничего не спросил.

Майя сняла фотографию и убрала между страницами своего экземпляра договора. Подумала, что получается отвратительно, но другого жесткого конверта под рукой не было.

Григорий принес ее плащ, успевший подсохнуть в машине.

— Дверь заменят утром. Мастерская будет под охраной.

Она взяла ключи с верстака и замерла. Запирать было нечего: замок вырван, косяк расколот. Пришлось повернуться и уйти так, оставив свой дом раскрытым перед чужими людьми.

На лестнице Майя споткнулась. Лев подхватил ее за локоть. Она выпрямилась, попыталась высвободиться, но его рука уже отпустила.

— Под ноги смотри, бунтарка.

— В вашем присутствии безопаснее следить за спиной.

— Привыкай следить за мной.

Она хотела ответить. Вместо этого посмотрела на его пальцы: на них осталась синяя полоска краски с верстака.

Ему очень не шло быть хоть сколько-нибудь похожим на человека. Так было труднее ненавидеть.

* * *

В салоне «Майбаха» было тепло.

Майя вжалась в угол, положив сумку на колени. Кожа сиденья мягко приняла ее спину. За стеклом проезжала Москва, в которой она вдруг оказалась гостьей: освещенные аптеки, остановки, круглосуточные магазины с дешевыми вывесками.

Лев сидел рядом и говорил по телефону. Сухие цифры сменялись распоряжениями. Она повернула голову к окну, делая вид, что не слышит, но каждое «выполнить» ощущалось у себя под кожей.

Он закончил разговор и убрал аппарат.

— Голодна?

— Нет.

Живот предательски свело. Она с утра ничего не ела. Державин посмотрел на нее, затем открыл маленькое отделение между сиденьями. Достал бутылку воды и запечатанный батончик.

— До дома двадцать минут.

Майя уставилась на протянутую еду.

— Дрессировка начинается с лакомства?

— Обычно с того, что человек перестает падать с ног.

Она взяла воду. Батончик остался у него в руке.

— Упрямая, — сказал он без раздражения и положил его на сиденье между ними.

Майя выпила. Посмотрела на батончик. Взяла и открыла обертку так яростно, что она лопнула по шву.

Лев отвернулся к окну. Она заметила в отражении, как он улыбнулся, и едва не бросила в него остатки упаковки.

Телефон зазвонил, когда машина свернула на набережную.

На экране было имя однокурсника: Антон.

Майя потянулась ответить. Широкая ладонь Льва легла на сумку рядом с ее рукой.

— Кто?

— Человек, которому не требуется ваш пропуск.

— Майя.

— Однокурсник. Мы вместе готовим выставку.

— В три часа ночи?

— Художники иногда работают. Удивительно, да?

Она нажала зеленую кнопку.

— Антон, я перезвоню.

— Май, тебе дверь сломали? Мне сосед написал, там мужики какие-то...

— Все в порядке. Я сама позвоню. Утром.

Она завершила разговор и убрала телефон за спину прежде, чем Державин успел его взять.

Серые глаза потемнели.

— Пункт третий.

— Ты уже посадил рядом охранника, отнял у меня дом и распланировал три месяца. Оставь хотя бы звонки!

— Аппарат сюда.

— Это моя жизнь.

— На ближайшие три месяца в ней действуют другие правила.

Майя повернулась к дверце, прижимая телефон к пояснице. Лев наклонился к ней. Его плечо перекрыло свет с улицы, запах бергамота стал ближе, а рука скользнула между спинкой сиденья и ее локтем.

Она попыталась перехватить его пальцы. Лев развернул ладонь, взял ее запястье и вытянул вперед. Осторожное, точное движение оказалось сильнее всего ее сопротивления.

— Отдай сама.

Майя смотрела на него в упор. Он был так близко, что она видела маленький светлый рубец возле брови. Его большой палец лежал на внутренней стороне ее запястья, там, где отчаянно бился пульс.

Чувствовать это прикосновение было обидно остро.

— Тебе обязательно выигрывать каждую мелочь?

— С тобой мелочей не получается.

Она разжала пальцы.

Лев забрал телефон и отпустил ее руку. Достал из отделения подлокотника маленький инструмент, открыл лоток сим-карты. Карта исчезла во внутреннем кармане его пиджака. Телефон он положил рядом с собой.

Майя сжала пустую ладонь.

— Врач Павла будет звонить мне, — сказал Лев. — Завтра получишь другой аппарат. Номер брата там будет первым.

Она отвернулась. На стекле отражалось ее лицо — чужое, бледное, с темными глазами.

Машина нырнула под освещенный козырек жилой башни. Над въездом серебрились буквы: «Корона». Ворота поднялись еще до того, как водитель затормозил.

Здесь тоже знали его заранее.

Личный лифт уносил их вверх так плавно, что Майя почувствовала движение только по легкой тяжести в коленях. Григорий остался внизу. Они снова были вдвоем, и теперь впереди не было переговоров, последней попытки что-то изменить. Бумаги уже подписаны.

Державин посмотрел на ее сумку.

— Тяжелая?

— Моя.

Он кивнул, принимая этот ответ, и больше за сумкой не потянулся.

На шестидесятом этаже створки открылись прямо в темный холл. Полосы света под потолком зажглись одна за другой, открывая каменные стены, низкие широкие диваны, лестницу и громадные окна.

Майя остановилась возле порога. На противоположной стене под стеклом висела старая гравюра. Сухая тонкая линия, уверенный штрих. Она машинально определила эпоху, заметила неправильный наклон света и заставила себя отвести взгляд.

Державин проследил за ней.

— Потом посмотришь.

— У вас лампа портит бумагу.

— Тогда переставишь.

— Я здесь не нанималась хранителем.

— Уже заметил.

Он показал на дверь из темного ореха.

— Твоя комната налево. Ванная за ней. Если что-то нужно — кнопка связи возле кровати.

Майя подошла к двери, открыла. Большая кровать, кресло, пустая консоль. За окном город лежал так далеко внизу, что казался нарисованным.

Она повернулась к Державину.

— Павел?

Лев достал телефон, посмотрел на сообщение и протянул ей экран. Короткая запись от Григория: «Доставлен. Осматривают. Угрозы жизни нет».

Майя прочитала. Еще раз. Воздух наконец прошел в грудь до конца.

— Спасибо, — сказала она, глядя на экран.

Он убрал телефон.

— Спи, птичка.

Майя взялась за дверную ручку.

— Я все равно не стану послушной.

— Мне уже передали жалобу от турникета.

Смех вырвался раньше, чем она успела его остановить. Короткий, нервный, почти злой. Лев смотрел на нее, и выражение его лица на секунду изменилось.

Майя перестала смеяться.

— После полуночи коридор принадлежит мне, — сказал он. — Не советую бродить в темноте.

— Повесь табличку. Вдруг забуду.

Она закрыла дверь перед его лицом.

Изнутри был замок. Майя повернула фиксатор, прислонилась лбом к дереву и простояла так, пока шаги в коридоре не стихли.

Потом положила сумку возле кресла. Сняла плащ, джинсы и свитер, оставшись в хлопковой майке; ноги дрожали так, что пришлось сесть на край постели. Из кармана плаща вынула тяжелое перо и поставила его на консоль.

Белое золото тускло блеснуло в ночном свете.

Павел жив. Долг закрыт. Она здесь.

Майя легла поверх покрывала, глядя на дверь. В кармане сумки лежал договор, по которому ей предстояло научиться жить в чужом мире. На руке поблескивал отцовский аметист.

Она коснулась его большим пальцем.

За дверью щелкнул выключатель. Державин все еще стоял в коридоре.

Теперь ей предстояло прожить с этим человеком девяносто дней.

Глава 6

Холодный рассвет вползал в панорамные окна спальни, разрезая тусклый полумрак заоблачной высоты. На шестидесятом этаже башни «Корона» утро не знало привычных звуков города: сюда не долетал ни рев утренних пробок, ни гомон прохожих. Здесь царила неестественная тишина элитного бункера, сквозь которую едва слышно пробивался лишь монотонный шелест климатической системы, вдувавшей в комнату очищенный воздух с ароматом кедра и озона.

Майя открыла глаза и несколько минут лежала неподвижно, глядя в высокий потолок.

Ее тело ломило. Каждая мышца протестовала против пережитого кошмара: темный сырой полуподвал мастерской, треск выбитой двери, удары ботинок в ребра Павла, золотая коронка ростовщика Валета с распиской на пятнадцать миллионов… А затем — ее отчаянный бросок в цитадель «Державин Плаза», драка с охраной и тяжелые шаги человека, перед которым расступались вице-президенты холдинга.

Лев Андреевич Державин.

Человек с лицом из серого гранита и глазами цвета балтийского шторма. Хозяин города, перед которым леденели подчиненные. Он не стал вызывать полицию, когда она ворвалась в его кабинет с разбитыми коленями. Он прижал ее к полированному столу, накрыл ее тонкое запястье тяжелой горячей ладонью и продиктовал кабальный контракт на три месяца. Полная изоляция от прежнего круга. Контроль гардероба. Запрет на любые контакты без его ведома. Статус официальной спутницы. Цена — жизнь брата, втянутого кузеном Льва в подпольный клуб «Атлас».

Майя повернула голову. На прикроватной консоли из дымчатого стекла лежал ее ночной трофей — тяжелое перо из белого золота с гравировкой «L.D.». Этим пером она с яростным нажимом поставила подпись в контракте, едва не прорвав гербовую бумагу. Рядом сиротливо

стояла старая холщовая сумка с потрепанными ручками — единственный осколок прежней жизни, захваченный из мастерской. Ее телефон остался у Льва: он лично вынул сим-карту своими длинными жесткими пальцами.

В тишине комнаты раздался мягкий электронный зуммер. Замок тихо щелкнул, отпуская ригель. Дверь скользнула внутрь, и в спальню без стука вошли трое.

Впереди шествовала холеная женщина лет сорока с идеально уложенным платиновым каре в строгом брючном костюме графитового цвета. Ее каблуки отбивали по паркету сухой метрономный ритм. За ней две молодые помощницы в одинаковых платьях и белых нитяных перчатках катили массивные хромированные рейлы. На вешалках плотными рядами висели чехлы из темного нейлона. Сбоку, на бархатном планшете, лежали стопки тончайшего шелкового белья пудровых оттенков, плотные чулки и коробки с дорогой обувью.

Майя мгновенно подобралась, натянув одеяло до подбородка. В глубине ее орехово-зеленых глаз вспыхнули колючие искры.

— Доброе утро, Майя Сергеевна, — произнесла дама с безупречной протокольной вежливостью. — Меня зовут Жанна. Я персональный стилист. Лев Андреевич распорядился полностью обновить ваш базовый гардероб до десяти часов утра. Нам необходимо провести замеры и подготовить дневной комплект.

Жанна сделала шаг к кровати, привычным жестом разворачивая гибкую сантиметровую ленту.

Майя резко откинула одеяло и поднялась на ноги.

Она спала в своей простой хлопковой майке, едва достававшей до середины бедра. Прохладный паркет обжег босые ступни. Вскинув упрямый подбородок, она шагнула к креслу, где лежали вчерашние вещи: потертые синие джинсы с вылинявшими коленями и объемный свитер крупной вязки цвета топленого молока.

— Уберите это отсюда, — ее голос прозвучал глухо, но в нем звенела стальная нота. — Немедленно.

Жанна даже не повела бровью:

— Боюсь, вы не вполне понимаете регламент, Майя Сергеевна. Все наряды отобраны персонально по параметрам, утвержденным господином Державиным. Кашемир, шерсть тонкого чесания, натуральный шелк закрытого кроя. Никаких открытых плеч и декольте, длина строгая — миди. Это безупречная элегантность, соответствующая статусу спутницы Льва Андреевича. Снимите майку, пожалуйста. Мне нужно уточнить объем под грудью и длину рукава.

— Я сказала: вон отсюда, — Майя сделала шаг вперед, загораживая собой комнату. Ее кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. — Я не интерьерная кукла и не наложница. Передайте вашему господину Державину, что я реставратор, а не манекенщица. В контракте написано «сопровождение», а не публичное унижение. Я не надену ни одной вещи, купленной на его деньги!

Младшие ассистентки испуганно втянули головы в плечи. Жанна опустила руки с лентой, окинула Майю ледяным взглядом и достала служебную рацию:

— Лев Андреевич, возникло затруднение в гостевом секторе. Объект отказывается от примерки.

Не прошло и сорока секунд, как в коридоре послышались тяжелые, чеканные шаги. Воздух в комнате сгустился под действием колоссального давления. Поступь хищника, не знающего преград на своей территории.

Дверь распахнулась без малейшего стука. В проеме возник Лев Державин.

Он был огромен. Рост под метр девяносто пять, широкие покатые плечи и тяжелая челюсть с темной щетиной. На нем не было привычного костюма: только свободные спортивные брюки из черного хлопка и черная облегающая футболка, которая словно вторая кожа обтягивала литые грудные мышцы и рельефный пресс. Короткие темные волосы были влаж-

ными после душа. От мужчины исходила мощная волна жара, смешанная с ароматом мыльной пены, ледяной мяты и дорогого горького бергамота.

Серые глаза Льва скользнули по застывшим стилисткам, по чехлам и остановились на Майе. Взгляд был свинцовым, давящим, просвечивающим до костей.

— Оставьте нас, — негромко произнес он. Голос прозвучал без крика, но с такой неоспоримой властью, что у Майи по спине побежали мурашки.

Жанна и ассистентки мгновенно исчезли за дверью. Замок снова щелкнул, отрезая комнату от внешнего мира.

Лев сделал два неторопливых шага вперед, останавливаясь перед ней:

— У тебя проблемы со слухом, Майя?

Майя инстинктивно вскинула голову, не позволяя себе отступить ни на сантиметр. Ее сердце колотилось в горле, как бешеное, но взгляд орехово-зеленых глаз оставался прямым и яростным:

— У меня проблемы с вашей манией величия, Державин! Вы заперли меня на шестидесятом этаже, отобрали связь и присылаете прислугу переодеть меня, как комнатную собачонку! Пункт второй вашего контракта — произвол. Вы не имеете права диктовать мне, в чем ходить!

Лев даже не моргнул. Уголок его четко очерченных губ едва заметно дернулся вверх:

— Я имею право на всё, под чем стоит твоя подпись. Ночью ты поклялась подчиняться в обмен на то, что твоего брата не вывезут на карьер с простреленными коленями. Расписка погашена. А значит, ты живешь по моему расписанию и носишь то, что определяю я.

— Это рабство! — выкрикнула она, бросаясь к креслу. Она схватила потертые джинсы, натягивая их прямо поверх бедер, затем набросила свитер грубой вязки, скрывая фигуру в бесформенных складках. — Вот моя одежда! Я ходила в ней пять лет и буду ходить дальше! Вы купили мое присутствие, но не мою душу!

Лев не стал спорить. Его лицо превратилось в каменную маску. Он сделал шаг к креслу, протянул тяжелую руку и двумя пальцами поднял с сиденья ее старую холщовую сумку.

Майя похолодела:

— Положи на место... Не трогай ее.

В сумке лежали не просто личные вещи. Там был ее студенческий скетчбук с набросками фресок суздальских соборов, набор профессиональных графитных карандашей, подаренный отцом перед смертью, и деревянный резной гребень матери.

Лев даже не взглянул на содержимое. Держа сумку в опущенной руке, он развернулся и неторопливо вышел в коридор.

— Державин, стой! — закричала Майя, бросаясь следом босыми ногами по холодному паркету.

Она выскочила в холл. Лев подошел к гладкой стене из белого керамогранита. С легким шипением он коснулся хромированного сенсора. Настенная створка технического утилизатора отходов плавно ушла в паз, открывая черную пасть вакуумной шахты, уходящей на двести метров вниз.

Лев вытянул руку над проемом. Майя метнулась к нему, и сумка качнулась над чернотой:

— Твое прошлое осталось в подвале, Майя. Здесь нет места нищете.

— Нет! — истошно вскрикнула Майя, бросаясь вперед и пытаясь ухватиться за лямку сумки.

Лев просто разжал пальцы.

Холщовая ткань рассекла воздух и исчезла в бездне шахты. Автоматический клапан захлопнулся с глухим щелчком, обрывая гул сквозняка.

Майя застыла перед закрытой панелью, чувствуя, как внутри всё обрывается. Карандаши отца. Ее рисунки. Годы ее труда и памяти — всё было уничтожено за одну секунду с той же небрежной легкостью, с какой выбрасывают обертку от конфеты.

Слепая ярость затопила ее разум.

— Зверь! — сдавленно выдохнула она, оборачиваясь к нему со слезами ненависти. — Ты бессердечный зверь! Палач! Я ненавижу тебя!

Она бросилась на него всем телом, вскидывая кулаки и с размаху ударяя его в широкую твердую грудь. Она била снова и снова, вкладывая в удары всю свою боль и обиду, колотя по его ребрам, плечам, ключицам.

Лев даже не пошатнулся. Он стоял неподвижно, как гранитный утес под ударами шторма, позволяя ей выплеснуть безумие. Его челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки, а серые глаза потемнели, наливаясь свинцовой мглой.

Когда удары стали слабеть, его правая рука молниеносно взметнулась вверх.

Широкие раскаленные пальцы сомкнулись на обоих ее тонких запястьях, сжимая их железным кольцом. Одним коротким движением Лев завел ее руки ей за спину, лишая возможности сопротивляться, и рванул девушку на себя.

Майя охнула, врезавшись всем телом в его каменный торс.

Они оказались прижаты друг к другу вплотную. Майя чувствовала сквозь тонкую ткань его футболки бешеный ритм его сердца, жар мышц и твердость бедер. Ее грудь при каждом судорожном вздохе терлась о его ребра, и по телу пробежала обжигающая волна мелкой дрожи.

Лев наклонился к ее лицу так близко, что его горячее дыхание обожгло ее дрожащие губы:

— Выговорилась? — прошептал он хриплым глубоким голосом, от которого завибрировали ее внутренности.

— Пусти... — Майя попыталась вырваться, но его хватка лишь сжалась крепче, причиняя острую боль. — Пусти меня, мразь!

— Слушай меня внимательно, Майя, — его серые глаза приковали ее взгляд, не позволяя отвернуться. — Карандаши и бумагу тебе доставят через час. Лучшие в стране. Ты нарисуешь новые эскизы. А сейчас ты пойдешь в гардеробную, снимешь это тряпье и наденешь бежевый кашемир. Если через десять минут ты не выйдешь на кухню — я прикажу Григорию принести портновские ножницы и срезать эти джинсы прямо на тебе. Ты поняла меня?

Она смотрела в его глаза, пылая яростью, но видела в них несокрушимую уверенность хищника, который исполнит угрозу без малейших колебаний. Его губы находились в сантиметре от ее рта; она чувствовала его запах — горький бергамот, табак и чистая мужская плоть. Ее колени предательски ослабли.

— Я тебя ненавижу, — с трудом выдавила она сквозь зубы.

Лев медленно разжал пальцы. На бледной коже запястий остались отчетливые красные следы от его пальцев.

— Время пошло, Майя, — негромко произнес он и зашагал в сторону гостиной.

Глава 7

Бежевое платье из тончайшего монгольского кашемира сидело на ней так, будто его шили лучшие мастера миланских ателье прямо по ее меркам. Глухой круглый ворот под самое горло полностью скрывал ключицы, длинные узкие рукава доходили до самых запястий, а подол спускался чуть ниже колен. Ни единого намека на вырез или разрез. Сдержанность викторианской гувернантки.

Но стоило Майе сделать шаг перед огромным зеркалом гардеробной, как внутри всё обожгло стыдом и бессильной злостью. Невесомая, шелковистая ткань платья обтекала ее тело, словно вторая кожа. При каждом движении кашемир мягко льнул к тонкой талии, подчеркивал высокую грудь и округлую линию бедер. Это было искусно замаскированное, изощренное насилие вкуса: платье делало ее недоступной для всего мира, но превращало в идеальную добычу для одного-единственного человека.

Майя судорожно сглотнула, скрепила непокорные медово-каштановые пряди простой деревянной шпилькой и, натянув мягкие кожаные мюли на плоской подошве, толкнула дверь.

Гостиная встретила ее ослепительным утренним солнцем, заливавшим открытое пространство сквозь циклопические витражные окна. На шестидесятом этаже Москва казалась игрушечным макетом: крошечные золотые купола храмов, тонкие нити набережных и блестящие спины автомобилей, застывших на мостах. В воздухе плыл терпкий, пробуждающий аромат свежемолотой арабики, подогретых круассанов и поджаренного хлеба.

За пятиметровым островом из полированного белоснежного кварцита сидел Лев.

Он уже сменил домашнюю футболку на безупречную сорочку из плотного белого хлопка. Верхние две пуговицы были расстегнуты, обнажая бронзовую шею и мощные ключицы, а рукава закатаны до середины предплечий, открывая рельефные мускулы и темные волоски на коже. На левом запястье поблескивали массивные платиновые часы с синим циферблатом. Перед Державиным стояла миниатюрная чашка черного эспрессо и тонкий карбоновый планшет, на экране которого мелькали биржевые графики и сводки котировок.

Когда Майя бесшумно переступила порог, Лев медленно поднял голову.

Его взгляд — тяжелый, оценивающий, пронизывающий — скользнул по ее фигуре. Он прошелся от кончиков туфель вверх по мягким складкам кашемира, задержался на плавной линии ее бедер, на мгновение замер на тонкой талии и поднялся к лицу, выхватив румянец ярости на ее щеках и вздернутый подбородок. В глубине его стальных глаз на долю секунды вспыхнуло темное, опасное пламя, от которого у Майи перехватило дыхание.

— Садись. — Лев указал на приготовленный прибор; Майя выбрала стул дальше, и его взгляд последовал за ней.

На столе перед пустым стулом стояла фарфоровая тарелка с золотой каемкой: воздушный паровой омлет со шпинатом, тонкие ломтики спелого авокадо, хрустящие тосты и широкая ваза с фруктами, среди которых выделялись крупные, темно-фиолетовые инжирины с лопнувшей медовой кожицей.

Майя подошла к острову, но села не напротив него, а на самый дальний угловой стул, увеличивая дистанцию между ними до четырех метров. Она демонстративно скрестила руки на груди, даже не взглянув на приборы:

— Я не голодна.

Лев не спеша сделал глоток кофе, не отрывая глаз от экрана планшета:

— В тебе сорок восемь килограммов веса, Майя. Твоя бледность граничит с обмороком. Если сегодня вечером на закрытом приеме партнеров ты осядешь на мрамор под вспышками камер — мне придется выносить тебя на руках. Я не намерен тратить вечер на вызов скорой помощи. Ешь.

— Я сказала, что не буду есть вашу еду! — с вызовом отчеканила она, сжимая кулаки под столешницей. — Вы можете выбросить мои вещи в мусоропровод, можете запереть меня в этой стеклянной клетке, но вы не заставите меня глотать куски с вашего барского стола! Где мой брат? Вы обещали неприкосновенность Павла сразу после подписания бумаг. Я имею право знать, жив ли он!

Лев медленно опустил чашку на блюдце. Звяканье фарфора прозвучало в тишине гостиной, как выстрел.

Лев развернул планшет к ней экраном. Майя уже открыла рот для нового обвинения, но узнала палату и потянулась через стол к изображению брата.

Майя опустила глаза на экран и замерла.

Это была прямая видеосвязь сверхвысокой четкости. Светлая, просторная палата загородного медицинского центра премиум-класса с огромным окном, выходящим в сосновый бор. На функциональной ортопедической кровати спал Павел. Его лицо больше не было залито запекшейся кровью: ссадины были аккуратно обработаны заживляющей мазью, сломанное правое предплечье и пальцы надежно фиксировал жесткий полимерный лангет белоснежного цвета. В локтевую вену входила тонкая прозрачная трубка автоматического инфузомата, мерно отсчитывающего капли лекарства. А за матовой стеклянной дверью палаты Майя разглядела широкую спину охранника в строгом темном костюме с радиогарнитурой в ухе.

Сердце девушки сжалось от острой, щемящей боли и одновременно — от колоссального облегчения. Жив. Он жив, в тепле, в безопасности.

— «Северный бор», частная клиника в Барвихе. — Державин увеличил изображение, позволяя ей разглядеть лицо Павла. — Лучшие нейрохирурги и травматологи столицы. Отдельный сестринский пост. Круглосуточная вооруженная охрана из моих личных офицеров безопасности. Шакалы Валета забыли дорогу к его имени. Сутки пребывания в этой палате стоят больше, чем твоя реставрационная мастерская зарабатывала за полгода.

Майя подняла глаза от экрана, чувствуя, как к горлу подкатывает горький ком:

— Вы купили его жизнь, чтобы сделать меня своей заложницей.

— Я обеспечил его безопасность, Майя, — жестко поправил Лев. — Но правила просты. Пока ты разумна, пока ты соблюдаешь пункты контракта и ведешь себя как подобает моей спутнице — твой непутевый брат получает первоклассное лечение, лучшие медикаменты и восстанавливает подвижность кисти. Его лечение я оплатил. Но время ваших встреч определяю я. Хочешь сегодня поговорить с ним — сначала поешь. Я не намерен объяснять врачу, почему следом за братом придется госпитализировать сестру.

Майя подвинула планшет к себе еще ближе. Вчера она заставила его вписать в договор связь с братом; теперь он торговался даже за час звонка. Хотелось разбить экран о кварцит, но тогда исчезло бы Пашино лицо. Она опустила руку к ложке.

Слезы бессильной ярости обожгли веки, но она заставила себя не заплакать. Она не доставит ему такого удовольствия.

— Вы чудовище, Державин, — прошептала она, глядя ему прямо в непроницаемые серые глаза. — Холодное, расчетливое чудовище без сердца.

Лев медленно поднялся со своего места.

Его гигантская фигура нависла над кухонным пространством. Неторопливой, бесшумной походкой он обошел гранитный остров и остановился вплотную к ее барному стулу. От него снова пахнуло жаром, морозной чистотой и терпким бергамотом. Он взял из вазы половинку инжира — сочную, багряно-фиолетовую, источавшую сладкий медовый аромат.

— Я прагматик, птичка, — тихо произнес он, наклоняясь к ней. — А теперь открой рот и ешь.

Майя упрямо сжала губы, вскидывая подбородок и глядя ему прямо в переносицу с нескрываемым вызовом.

Лев не стал злиться. Его широкая ладонь поднялась, и шершавая, горячая подушечка большого пальца легла на ее нижнюю губу. С легким, но непреклонным нажимом он провел по нежной коже, принуждая ее разомкнуть губы. Этот жест был настолько интимным, властным и шокирующим, что Майю словно ударило электрическим током. По спине пробежала горячая волна, дыхание сбилось.

В ее орехово-зеленых глазах вспыхнул дикий, гордый огонь. Не отводя взгляда от его штормовых зрачков, она приоткрыла рот и медленно, с вызовом прикусила сочную мякоть инжира.

Сладкий, вяжущий сок брызнул на язык. Но вместе с мякотью фрукта ее губы и влажный кончик языка скользнули по подушечке пальца Льва.

Державин замер.

Его пальцы едва заметно дрогнули. Мышцы на его широких плечах и шее мгновенно одеревенели, натянувшись, как стальные тросы. Серые глаза потемнели до черноты, зрачки расширились почти на всю радужку, затягивая в темную пучину необузданного, первобытного голода. В воздухе между ними словно лопнула невидимая высоковольтная дуга. Мужчина тяжело, прерывисто вдохнул через нос, не отрывая взгляда от ее влажных, блестящих губ.

Секунды растянулись в вечность. Тишина стала густой, тягучей, наполненной бешеным стуком двух сердец.

Лев медленно убрал руку. Его пальцы слегка сжались в кулак, словно удерживая оставшееся на коже тепло ее дыхания. Когда он заговорил, его голос звучал гораздо ниже и глуше обычного:

— Умница. Доешь завтрак.

Он сделал шаг назад, восстанавливая дистанцию, но Майя видела, как тяжело вздымается его мощная грудь под белым хлопком сорочки. Самообладание «Холодного Льва», казавшееся нерушимым гранитом, дало первую глубокую трещину.

Державин развернулся, подхватил со спинки стула свой темный пиджак и бросил на ходу, направляясь к приватному лифту:

— У меня совет директоров до трех часов. В пентхаусе действует полный режим изоляции. Выход за пределы этажа заблокирован. Если тебе понадобятся материалы для рисования — Григорий примет список. В девятнадцать ноль-ноль Жанна привезет вечернее платье. В двадцать — мы выезжаем. Будь готова.

Створки лифта бесшумно скользнули в стороны, поглотили его высокую фигуру и сомкнулись с мягким глухим щелчком.

Майя осталась одна. Она сидела на высоком стуле, прижимая дрожащие пальцы к пылающим губам. Вкус спелого инжира во рту смешался с металлическим привкусом адреналина. Ее всю колотило мелкой дрожью. Она только что поняла две страшные вещи: Лев Державин держал в кулаке всю ее жизнь… и прикосновение этого чудовища вызывало в ее собственном теле пугающую, непонятную, всепоглощающую бурю.

Глава 8

После отъезда Державина пентхаус погрузился в давящее, гулкое безмолвие.

Огромное пространство в четыреста квадратных метров казалось стерильным музеем современного минимализма: стекло, полированный камень, темное дерево ценных пород и ледяной свет полуденного солнца. Майя медленно обошла периметр. Дверь лифтового холла была глухой стеной без единой ручки — вызов кабины активировался исключительно биометрическим сканером сетчатки глаза или мастер-картой СБ. Массивная дверь эвакуационной лестницы в конце коридора была наглухо заперта мощным электромагнитным замком, над которым горел тревожный красный индикатор.

Майя нажала кнопку у лифта. Индикатор мигнул красным. С шестидесятого этажа город был виден весь, а выйти даже на лестницу она могла только с чужого разрешения.

В холле Майя заметила едва заметные полусферы купольных камер наблюдения, встроенных в потолочные балки. Они контролировали гостиную, открытую террасу и коридоры. Единственной зоной, свободной от всевидящего ока охраны, оставалось западное крыло пентхауса.

Там, за тяжелой двустворчатой дверью из мореного дуба, скрывалось помещение, которого Майя никак не ожидала увидеть в логове безжалостного олигарха.

Это была двухъярусная библиотека.

Высокие стены были от пола до потолка зашиты панелями из темного ореха. Вдоль них тянулись ряды массивных книжных стеллажей, источавших терпкий, благородный запах старой бумаги, натуральной кожи и воска. На второй ярус вела изящная кованая винтовая лестница черного чугуна с витыми перилами. В центре стоял тяжелый стол из палисандра с массивной зеленой лампой под винтажным стеклянным абажуром, а в углу темнел старинный резной секретер с бронзовыми накладками.

Майя сделала несколько шагов по мягкому ковру цвета увядшей розы.

Ее взгляд скользнул по корешкам книг на центральной полке нижнего яруса, и у нее перехватило дыхание.

Майя узнала знакомое название и потянулась к корешку. За ним обнаружились другие книги из ее давнего списка: роскошное трехтомное издание по реставрации средневековой резцовой гравюры на меди, швейцарский каталог пигментов и лаков эпохи Ренессанса, монографии реставрационных мастерских Эрмитажа и Грабаря… Все книги были абсолютно новыми, в шелковых суперобложках, от них еще пахло свежей типографской краской.

Из одного тома выглядывала белая карточка с тисненым золотым логотипом холдинга. Майя вытянула ее дрожащими пальцами.

На карточке четким, жестким почерком секретариата было выведено: *«Спецзаказ доставлен курьером из специализированного книжного магазина в 08:15 по личному распоряжению генерального директора Л.А. Державина»*.

Майя прижала карточку к груди, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

Восемь пятнадцать утра. Заказ привезли еще до их завтрака. Этот человек безжалостно сбросил ее холщовую сумку в шахту утилизатора, но взамен заставил своих помощников поднять на ноги книготорговцев, чтобы привезти ей редчайшие пособия, о которых она могла только мечтать на своем факультете!

Зачем? Что это было? Холодный расчет кукловода, бросающего дорогую кость пленнику, или нечто иное — глубоко спрятанное, противоречивое признание ее мастерства?

«Не смей обманываться, Майя, — мысленно хлестнула она себя по щекам. — Он хищник. Он просто покупает твое спокойствие, чтобы ты не сорвала ему вечерний прием».

Она решительно положила карточку обратно на полку и подошла к резному секретеру.

Нижний ящик стола был приоткрыт на пару сантиметров. Любопытство исследователя и реставратора, привыкшего по крупицам восстанавливать скрытую историю старых холстов, пересилило страх. Майя взялась за бронзовую ручку в форме львиной пасти и плавно потянула ящик на себя.

Внутри лежала плотная картонная папка на завязках и тяжелый фотоальбом в темно-синем бархатном переплете с серебряными уголками.

Майя открыла альбом.

На плотных страницах из слоновой кости были наклеены семейные фотографии клана Державиных. Парадные портреты: надменная, затянутая в жемчуга женщина с холодным аристократическим лицом — мать Льва, Элеонора Державина; строгий седовласый патриарх в кресле; молодые кузены на закрытых приемах.

Но на четвертой странице Майя наткнулась на снимок, заставивший ее сердце сжаться от безотчетной тревоги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.